

ГЛАВА II.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ГОСУДАРСТВОВАНИЯ Іоанна IV.

Надене и смерть К. Телепнева. Господство К. Василія Шуйского. Освобождение К. Ивана Бельского и Андрея Шуйского. Смута Боярская. К. Иванъ Бельскій снова заключенъ. Смерть К. Василія Шуйского. Господство его брата. Свержение Митрополита: избрание Иоасафа. Харашерь К. Ивана Шуйского и грабежи внутри Государства. Набеги възниихъ непріятелей. Посольства въ Царыградъ, въ Стокгольмъ. Договоръ съ Гапзою. Союзъ съ Астраханью. Посольства Ногайскія. Заговоръ противъ Шуйского. Освобождение К. Ивана Бельского и власъ его. Прощаніе К. Владимира Андреевича и его матери. Облегчашъ судьбу К. Димитрія Углицкаго. Прощаніе К. Симеона Бельского. Владеніе Царя Казанскаго. Наществіе Хана Крымскаго. Великодушіе народа и войска. Бытие непріятеля. Смута Бояръ: паденіе К. Ивана Бельского. Ссылка Митрополита. Новое господство К. Ивана Шуйского. Посвященіе Марії. Перемиріе съ Астраханью. Набеги Крымцевъ, Погаевъ, Дѣлг Казанскія. Сношенія съ Астраханью, съ Молдавією. Перемирие въ Правленіи. Наглость Шуйскихъ. Худое восинаше Іоанна. Заговоръ противъ главныхъ Вельможъ. Наденіе Шуйскихъ. Власть Глинскихъ. Жестокость Правленія. Доброе согласіе съ Альтою. Рать на Казань. Шигъ-Алей Царемъ въ Казани и бѣжитъ оттуда. Походъ къ устью Свіяги. Путешествія Великаго Князя и неудовольствія народа.

Г. 1558 — 1547.

Несколько дній пропекло въ неизвѣстно-
сти и въ тишинѣ для народа, вътайныхъ
совѣціяхъ и въ козняхъ для Вельможъ че-
сто побивыхъ. Досель Правительница замѣ-
нила Государя: настало время совершенной
Надене
и
смерть
К. Телепне-
ва.

Г. Аристократіи или Державища Бояръ при
1558. семилѣтии Государъ. Не многіе изъ нихъ
смѣли желать верховнаго владычества надъ
Россією: прочие готовились единогласно
взять сторону того или другаго на вы-
годнѣйшую для своей личной пользы усло-
вія. Любимець Елени, Князь Иванъ Тел-
ениевъ, не дремалъ въ бездѣльствіи: будучи
другомъ и братомъ Іоанновой надзиравель-
ницы, Боярыни Агриппины Челадиной, онъ
думалъ овладѣть юнымъ Монархомъ, не оп-
ходилъ опь него, ласкался къ нему, и на-
дѣялся на усердіе своихъ бывшихъ друзей;
но число ихъ, съ перемѣною обстоятельствъ,
уменилось и ревности охладѣла. Внезап-
ная кончина Елены — и не естественная,
какъ мили — предвѣщала явленіе новыхъ,
сильнѣйшихъ Владытелей: чтобы узнать,
кто могъ быть ея пайнымъ виновникомъ,
любопытные ждали, кто воспользуется
онаю? Сие справедливое, или, не смотря
на вѣроятность (какъ часто бываетъ),
ложное подозрѣніе обращалось на старѣй-
шаго Боярина, Василія Васильевича Шуйска-
го, потомка Князей Суздальскихъ, изгнан-
ныхъ еще сыномъ Донскаго изъ ихъ наслед-
ственнаго владѣнія: злобивул на Москов-
скихъ Государей, они служили Новгороду,
и въ послѣдній день его свободы Князь
Шуйскій-Гребенка быть шамъ главнымъ
Воеводою⁶². Видя рѣшильное торжество
Самодержавія въ Россіи, сіи изгнанники,

одинъ за другимъ, вступили въ службу г.
Московскую и были знаменитѣшими Вельможами. Князь Василій Васильевичъ, заи-
мавъ первое мѣсто въ Совѣтѣ при опцѣ
Іоанновомъ⁶³, занималъ опое и при Еленѣ,
и тѣмъ болѣе ненавидѣлъ ея временщика,
который, успуная ему наружную чеснѣть,
исключиительно господствовалъ надъ Думою.
Изгнавшиъ средыща успѣха, преклонивъ къ
себѣ многихъ Бояръ и чиновниковъ, сей
властолюбивый Князь жестокимъ дѣйстві-
емъ самовольства и насилия объявилъ себя
Главою Правленія: въ седьмой день по кон-
чинѣ Елены всѣль схватилъ любезнѣй-
шихъ юному Іоанну особъ: его надзиратель-
ницу, Боярыню Агриниу, и брата ея,
Князя Телепнева, — оковать цѣпями, заклю-
чинить въ шеминицу, не смотря на слезы, на
войль Державнаго, беззащитнаго отрока.
Не судъ и не праведная, но беззаконная,
мопая казнь была жребіемъ несчастнаго
Вельможи, коему за недѣло предъ шесть ра-
бочистовали всѣ Князья и Бояре. Телеп-
нева уморили голодомъ, какъ Правильница
или самъ онъ уморилъ Глинскаго и дядей
Іоанновыхъ; но злодѣйство не оправдывается
злодѣйства, и Лѣтописцы осуждающъ сию
личную меснѣть, виновенную зависію къ
бывшему любимцу Елены, который хотѣлъ
быть и любимцемъ сына ея⁶⁴. Телепневъ
имѣлъ умъ, дѣятельность, благородное че-
столюбіе; не боялся осправлять Двора для

Г. войны, и еще не довольноый властю, хо-
тъль славы, которую даютъ дѣла, а не
милосиѣ Государей. Сестру его, Боярышю
Агриниу, сослали въ Каргополь и постри-
гли въ Монахини. Дума, Государство и са-
мъ Государь сдѣлались подвластны Василию
К. В.¹ Шуйскому и брату его, Князю Ивану, шак-
сиаія же знаменишому Члену Совѣта, гдѣ только
скаго. одинъ Бояринъ могъ спорить съ ними о
шарыщчинствѣ, Князь Димитрій Бѣльскій,
родственникъ Іоанновъ: они искали его
дружбы. Бранъ Димитріевъ, Князь Иванъ
Осво- Федоровичъ, и Шуйскій, Андрей Михайло-
божде- ние К. вичъ, сидѣли въ шеминѣ: ихъ вмѣстѣ
Ивана освободили съ чеснѣю какъ невинныхъ; пер-
Бѣль- вѣй занялъ въ Думѣ свое прежнее мѣсто,
скаго и А. вшораго пожаловали въ Бояре⁶⁵. Ослѣпен-
црѣя Шуй. ный гордостю, Князь Василий Шуйскій хо-
скую. шъль утвердить себя на вышней степени
Трона свойствомъ съ Государемъ, и будучи
вдовцемъ лѣтъ пятидесяти или болѣе, же-
нился на юной сестрѣ Іоанновой, Анастасіи,
дочери Пепра, Казанскаго Царевича⁶⁶. Но
безирекословное владычество сего Вельможи
продолжалось только мѣсяцъ шеснѣ: Князь Иванъ Бѣльскій, имъ освобожденный,
сдѣлялся его испрѣяшемъ, будучи въ согла-
сіи съ Митрополишомъ Дашиломъ, съ Дво-
рецкимъ Михайломъ Тучковымъ и съ иными
важными сановниками. Началось пѣнь, что
Бѣльскій просилъ юнаго Іоана дать Князю
Юрію Булгакову - Голицину Боярство, а

сыну знаменитаго Хабара Симскаго⁶⁷ санъ г.
Окольничаго, не сказать ни слова Шуйскимъ,^{1558.}
кошорые воспывали гнѣвомъ. Вражда усили-
лась бранью: съ одной спороны говорили
о подлой неблагодарности, о гиусныхъ коз-
няхъ; съ другой о самовластіи, о тиран-
ствѣ. Наконецъ Шуйскіе доказали свое мо-
гущество: снова заключили Князя Ивана
Бѣльскаго въ шемницу, соытниковъ его ра-
зослали по деревнямъ, а главному изъ нихъ, Смуты
Дѣлку Федору Мишурину, измученному вои-
нами, раздѣленому, обнаженному, опѣськли го-
лову на плахѣ предъ городскою шорьмою⁶⁸. Иванъ
Все сіе дѣлались именемъ Шуйскихъ и Бояр-
яръ, имъ преданныхъ, а не именемъ Госу-
даря: то есть, беззаконно и нагло. Достой-
но замѣчанія, что спартий Князь Бѣльскій,
Димитрій, опять не имѣлъ участія въ бѣ-
ственной судьбѣ брата, спасаемый, какъ вѣ-
роятно, своимъ осторожнымъ, спокойнымъ
характеромъ.

Уже самовластный Вельможа, Князь Ва-
силій, счищалъ себя какъ бы Царемъ Россіи: К. Ва-
силія
вдругъ узнали объ его болѣзни и смерти, Шуй-
которая могла быть естественною, но безъ скаго.
сомнія служила поводомъ къ разнымъ до-
гадкамъ и заключеніямъ⁶⁹. Явивъ суепиость
властолюбія, она не исправила Бояръ Мо-
сковскихъ, и братъ Василіевъ, Князь Иванъ
Шуйскій, снявъ ихъ Главою, мыслилъ един-
ственно о томъ, чтобы довершишъ месть
надъ врагами и сдѣлать, чего не успѣлъ

Г. или не дерзнуль исполнить умершій братъ
1559. его. Ни святость Сана, ни хитрость ума
Свер-
жени-
е не спасли Митрополита Даниила: замы-
Мит-
ропо-
лия. шлявъ съ Княземъ Иваномъ Бельскимъ сверг-
нуть Шуйскихъ, онъ самъ бытъ сверженъ
съ Митрополіи указомъ Боярскимъ и сосланъ
въ монастырь Іосифовъ⁷⁰, где спрогою,
постною жизнію имѣть способъ загладить
грѣхи своего придворного честолюбія и ра-
бочества. Онасалъ упрековъ въ беззаконіи,
Вельможи взяли съ Даниила запись, косо сей
бывшій Архипастырь будто бы доброволь-
но оказался отъ Свяшинельства, чтобы
молиться въ пишіи уединенія о Государѣ
Из- и Государствѣ. На его мѣсто Епископы во-
брание спалили — судбами Божественными и Вели-
конаркетскими (по еспѣ, Боярскимъ) изоле-
фа. ниемъ, какъ сказано въ житописи — Іоасафа
Скрыницына, Игумена Троицкаго.

Среди такихъ величий и беспокойствъ, производимыхъ личнымъ честолюбіемъ Бояръ, Правительство могло ли имѣть надле-
жащую нивердосинь, единство, неусыпность
Харак- для виупрещаго благоустройства и виши-
щерь. К. И. ней безопасности? Главный Вельможа, Князь
иша Иванъ Шуйский, не оказывалъ въ дѣлахъ ни
Шуй- ума государевеннаго, ни любви къ добру;
скаго и тра- былъ единствено грубымъ самолюбцемъ;
бези виу- хотѣлъ только помощниковъ, но не перенѣгъ
ши при Госу- совмѣстниковъ; повелевать въ Думѣ какъ
дар- Деспотъ, а во дворцѣ какъ хозяинъ, и ве-
шива. личался до нахальства; на примѣръ, никогда

не спохъ предъ юнымъ Іоанномъ, садился Г
у него въ спальнѣ, опирался локтемъ о по-^{1559.}
столо, класть ноги на кресла Государевы⁷¹;
однимъ словомъ, изъявилъ всю низкую, ма-
лодушную спесь раба-господина. Упрекали
Шуйскаго и въ гнусномъ корыстолюбіи;
писали, что онъ расхищилъ казну и нако-
валь себѣ изъ ея золота множества сосу-
довъ, вельвъ вырѣзать на нихъ имена сво-
ихъ предковъ. По крайней мѣрѣ его близкіе,
клевреи, угодники грабили безъ милосер-
дія во всѣхъ областяхъ, гдѣ давались имъ
нажиточныя мѣста или должности государ-
ственныя. Такъ Бояринъ Андрей Михайловичъ
Шуйскій и Князь Василий Рынинъ-Оболен-
скій, будучи Намѣстниками во Псковѣ, са-
ръпствовали какъ львы, по выражению совре-
меника⁷²: не только угнетали земедѣль-
цевъ, гражданъ беззаконными налогами, вы-
мышили прескупленія, ободряли лживыхъ
доносчиковъ, возобновляли дѣла старые,
пребывали даровъ отъ богатыхъ, безденеж-
ной работы отъ бѣдныхъ: но и въ самыхъ
святыхъ Общинахъ искали добычи съ мо-
щностію Могольскихъ хищниковъ; жители
пригородовъ не смѣлиѣздить во Псковъ
какъ въ вершень разбойниковъ; многіе люди
бѣжали въ иные страны; торжища и мо-
настыри опустѣли. — Къ сему ужасному
бѣдствію неправосудія и насилия присоеди-
нились часные, опустошительные набѣги
гнѣвныхъ разбойниковъ. Мы быши — гово-
рили въ

Г. рань Лытошицы — жерновою и посмѣши-
1559. щемъ негрѣхъ: Ханъ Крымскій давать
намъ законы, Царь Казанскій пасъ обманы-
вать и грабить. Первый, задержавъ Вели-
кокняжескаго чиновника, посланаго къ Го-
сподарю Молдавскому, писалъ къ Іоанну:
«Я сдѣлать то, чио вы иѣсколько разъ дѣ-
лали. Отецъ и мать твоя, не разумя го-
сударственныхъ установъ, ловили, злодѣи-
ски убивали моихъ Пословъ на пушъ въ
Казань: я шакже имъ право мѣшани тво-
ему сообщенію съ моимъ недругомъ Мол-
давскимъ. Ты хочешь огнь меня пріязни:
«для чего же изъясняешься грубо? Знаешь
ли, чио у меня болѣе сна пысять воиновъ?
«Если каждый изъ нихъ пльшихъ хонюодно-
го Русскаго, сколько тебѣ убышка, а ми
«прибыли? Не шаюсь, ибо чувствуя силу
«свою; все объявляю напередъ, ибо сдѣлаю,
«что говорю. Гдѣ желаетъ видѣться со
«миою? въ Москвѣ, или на берегахъ Оки?
«Знай, чио буду къ тебѣ не одинъ, но съ
«великии Султаномъ, который покорилъ
«вселенную огнь Восшока до Запада. Укажу
«ему пушъ къ твоей столицѣ. Ты же чио
«миѣ сдѣласъ? Злобствуя какъ хочешь, а
«въ моей земль не будешь»². Не только
Іоанъ III и Василий, но и Правицельница,
отъ времени до времени удовлетворяя ко-
рышлюбию Хановъ, изъдавали по крайней
мерѣ благородную гордость въ перенискѣ
съ ними и не дозволяли имъ забываться.

Владычество Шуйскихъ означалось слабостю и робкимъ малодушиемъ въ Полити-^{г.} 1539.
къ Московской: Бояре даже не смѣли ошвырь-
ствовать Сашъ-Гирею на его угрозы; счи-
тили оправить въ Тавриду злопамаго По-
сла и купинъ въроломный союзъ варвара обя-
зательствомъ не восвать Казани⁷⁴; а Царь
Казанскій, увѣряя насъ въ своесть миролюбіи,
хопъль, чшобы мы ежегодно присыпали ему
дары въ знакъ уваженія. Напрасно ждали
его уполномоченныхъ въ Москву: они не
вхали, а Казанцы два гоца непрестанно зло-
дѣйствовали въ областяхъ Нижнаго, Ба-
лахны, Мурома, Мещеры, Гороховца, Влади-
мира, Шуи, Юрьевца, Костромы, Кинешмы,
Галича, Топымы, Устюга, Вологды, Вятки,
Перми⁷⁵; являлись единственно погибами,
жгли, убивали, пленяли, такъ, что одинъ
изъ Льшописцевъ сравниваетъ бѣдствія се-
го времени съ Башневымъ нашествіемъ, го-
воря: «Башни пропекъ монію Русскую
«землю: Казанцы же не выходили изъ ся
«предѣловъ, и лили кровь Христианъ какъ
«воду. Беззащитные укрывались въ лѣсахъ
«и въ пещерахъ; мѣста бывшихъ селений
«заросли дикими кустарникомъ. Обративъ
«монастыри въ пещерь, невѣрные жили и
«спали въ церквахъ, пили изъ святыхъ со-
«судовъ, обдирали иконы для украшенія
«жень своихъ усерязями и монистами; сы-
«пали горящіе уголья въ саюги Июкамъ и
«заспавляли ихъ плясать, оскверняли юныхъ

Г. «Монахинь; кого не брали въ плѣнъ, пѣши
1559. «выкальвали глаза; обрѣзывали уши, носъ;
«описывали руки, ноги и — что всего ужа-
«сиве — многихъ приводили въ Вѣру свою,
«а сіи несчастные сами говари Христіанъ
«какъ лютые враги ихъ. Пишу не по слуху,
«но видѣнное мною, и чего никогда забыть
«не могу»⁷⁶. Что дѣлали Правители Госу-
дарства, Бояре? Хвалились своимъ терпѣ-
ніемъ предъ Ханомъ Саинь-Гиреемъ, изъя-
сняясь, что Казанцы терзають Россію, а мы,
въ угодность ему, не двигаемъ ни волоса
для защиты своей земли⁷⁷! Бояре хонгли
единеніемъ мира, и не имѣли его; заключи-
чили союзъ съ Ханомъ Саинь-Гиреемъ⁷⁸, и
видѣли безполезность онаго. Послы Ханскіе
были въ Москвѣ, а сынъ его, Иминь, съ
шайками своихъ разбойниковъ грабилъ въ
Коширскомъ Уѣздѣ⁷⁹. Мы удовольствовались
извиненіемъ, что Иминь не слушался онца
и поспунастъ самовольно.

Другія виѣнія дѣйствія Россіи болѣе со-
Пол-
опубликовали ся государевскому до-
сѣ-
справа сполненію. Чиновникъ Адашевъ ѣздилъ изъ
вѣ⁸⁰ Москвы съ дружественными письмами къ Царь-Султану и къ Патріарху, Замыщкой изъ Но-
градъ, Стокгольмъ и въ Кон-
Спок-
гольмъ. Стакшинополь и въ Стокгольмъ оказали ве-
Дого-
ликую честь нашимъ Посланникамъ. Бояре
воръ съ подтвердили купеческий договоръ съ Ганзой
Ган-
и возобновили союзъ съ Аспраханью, гдѣ
зою,
союзъ опять царствовалъ Абдылъ-Рахманъ. Послы

Ногайскіе одни за другими являлись въ Москвѣ, предлагая намъ свои услуги и требуя единственно свободной торговли какъ милости. Лишь, соблюдая перемиріе, не превозжила Россіи: сиарецъ Сигизмундъ въ покой Ногай доживалъ вѣкъ свой⁸⁰.

Въ сіе время сдѣлалась перемѣна въ нашей Г. Аристократії. Свергнувъ Митрополита 1540. Данила, Князь Иванъ Шуйскій счиналь по-Заго-
ваго Первосвятителя другому своимъ, но про-
обманулся. Руководствуясь, можетъ быть, Шуй-
любовію къ добродѣтели, усердіемъ къ още-скаго;
чесиву, и видя неспособность Шуйскаго бож-
управлять Державою, или по инымъ, менѣе ^{дѣлѣ} К. И-
достохвальнымъ причинамъ, Митрополитъ вана
Іоасафъ осмѣлился ходатайствовать у юнаго Бѣль-
Государя и въ Думѣ за Князя Ивана Бѣль-
скаго. Многіе Бояре приспали къ нему: одни ^{власть} его.
говорили только о милосердіи, другие о
справедливости, и вдругъ, именемъ Іоанно-
вимъ, съ торжествомъ вывели Бѣльскаго
изъ пленницы, посадили въ Думу; а Шуй-
скій, изумленный дерзостию Митрополита
и Бояръ, не успѣлъ отврастиТЬ удара: пре-
пеншаль въ злобѣ, клялся оштрафить имъ за
измѣну, и съ того дна не хотѣлъ участвовать
въ дѣлахъ, ни присутствованіи
въ Думѣ⁸¹, гдѣ споры Бѣльскихъ, одер-
жавъ верхъ, начала господствовать съ
умѣреніемъ и благоразуміемъ. Не было
ни опалъ, ни гоненія. Правительство спло-
коноччишельнѣ, усерднѣе къ общему благу.

Г. Злоупотребленија власти уменшились. Съ-
1540. или некоторые хульы Намѣстниковъ, и
Псковиине освободились отъ насилий Князя
Андрея Шуйского, опозвавшаго въ Москву.
Дума сдѣлала для нихъ то же, что Василий
сдѣлаль для Новгородцевъ: возвратила имъ
судное право. Цѣловальники или Присяжные,
избираемые гражданами, начали судить всѣ
уголовныя дѣла независимо отъ Намѣстни-
ковъ, къ великой досадѣ сихъ послѣднихъ,
лишенныхъ пѣмъ способа беззаконствовать
и наживаться. Народъ отдохнулъ во Псковѣ;

Про- славилъ милость Великаго Князя и добро-
щеніе дѣшель Бояръ⁸². — Правительство заслужи-
Князлъло еще хвалу освобожденіемъ двоюроднаго
Вла- брата Іоаннова, юнаго Князя Владимира
дні- Адреевича, и матери его, заключенныхъ
ра А- Еленою: они перехали въ свой домъ и жили
ре- и ма- уединенно; а чрезъ годъ, въ день Рожде-
стви- енія Христова, мать и сынъ были пред-
стери ставлены Іоанну. Имъ возвратили богатыя
его. помѣстья Адреевы и дозволили имѣть

Облаг- Дворъ, Бояръ и слугъ Княжескихъ⁸³. — Назо-
чаютъ судьбу всемъ ли милостию скучное, икастое бла-
К. Ди- годъніе, оказанное иногда же другому род-
мит- рю ственнику Іоаннову? Внукъ Василия Темнаго,
Углицкаго. сынъ Андрея Углицкаго, именемъ Димитрій,
еще находился въ чистъ живыхъ⁸⁴, забвен-
ный всѣми, и сорокъ-девять ужасныхъ лѣтъ,
отъ нѣжной юности до глубокой старо-
сти, сидѣть въ шемшицѣ, въ узахъ, одинъ
съ Богомъ и мирною совѣстю, не оскор-

бивъ никого въ жизни, не нарушивъ никакого успава человъческаго, только за вини опца своего, имѣвъ несчастіе родившися племянникомъ Самодержца, коему надлежало испрѣбить въ Россіи вредную Сиспему Удѣловъ, и копорый лобилъ единовластіе болѣе, нежели единокровныхъ. Правиши, желая быти милосердыми, не рѣшились возвратить Димитрія, какъ бы изъ могилы, чуждому для него миру⁸⁵: величи только освободить его отъ тягости цѣней, впусшивъ къ нему въ шемницу болѣе свѣща и воздуха! Ожесточенный бѣдствіемъ, Димитрій, можетъ быти, въ первый разъ смягчился тогда душою и пролилъ слезы благодарности, уже не гнѣвомъ, не язвимый оковами, видя солнце и дыша свободне. Онъ содержался въ Вологдѣ: памъ и кончилъ жизнь. Братъ его, Князь Иванъ, умеръ за иѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Монашесиї. Оба лежашъ вмѣстѣ въ Вологодской церкви Спаса на Прилукѣ⁸⁶.

Милуя или облегчая судьбу гонимыхъ, первый Бельможа, Князь Иванъ Бельскій, хоіть и виновнаго брата своего, Симеона, Г. возвратившися отечесиву и добродѣли. Ми-^{1540.} — 41. шронолипъ Іоасафъ взялся быти ходатаемъ. Извинилъ преступника, чѣмъ только могли: юношество его лѣтъ, несносныиширанствомъ и самовласіемъ Еленна любимиа. Государь просили: одио дѣйствіе, коимъ Испорія упрекаетъ Князя Ивана Бельскаго! Измѣн-

Г. никъ предатель, наводивъ враговъ на още-
1540. чесиво, явился бы снова при Дворъ и въ
— 41. Прощеніе Думъ съ почестями, опредѣленными для вѣр-
К. Симе- ныхъ, знаменитыхъ слугъ Государства! Но
она Бѣль- Симеонъ не воспользовался милосердіемъ,
скаго. проиниціемъ уставу справедливости и блага
гражданскихъ обществъ. Гонецъ Московскій
уже не нашелъ Бѣльскаго въ Таврицѣ⁸⁷: сей
измѣнникъ былъ въ поль съ Ханомъ, замыш-
ляя гибель Россіи: ибо Саипъ-Гирей клялся
въ дружбѣ къ Великому Князю единственно
для того, чтобы произвести въ насть
оплощность и печалинотю владенія от-
крыть себѣ путь въ сердце Московскихъ
владѣній. Но Дума, подъ начальствомъ Князя
Бѣльскаго, ради о внушеніемъ благоу-
строїстивъ, не выпускала изъ виду и виши-
ней безопасности.

Тайно готовясь къ войнѣ, Ханъ пригла-
шалъ и Царя Казанскаго итии на Россію:
къ счастію нашему, имъ неудобно было дѣл-
ствовать въ одно время: первый ждать вес-
ны и подложного корма въ синяхъ; а вто-
рый, не имѣя сильной рани судовой, боят-
ся лихомъ оставшись за спиною Волгу, где,
въ случаѣ его бѣгства, Россіяне могли бы
упонить Казанцевъ. Ободряемый нашимъ
долговременнымъ шерифицемъ я бездѣстві-
емъ, Саипъ-Гирей, въ Декабрь 1540 года ми-
нионавъ Нижний Новгородъ, успѣль безпре-
скаго Казан- пятствію достигнути Мурома, по дальне
Царя. не могъ ступить ни шага: воины и граж-

дане билиць мужественю на стъяхъ и въ г.
вылазкахъ; Князь Димитрій Бельскій шелъ^{1540.}
изъ Владимира, а Царь Алей съ своими вър-^{-41.}
ными Ташарами изъ Касимова, испробляя
разсѣянныя полты непріятелей въ Мещер-
ской земль и въ селахъ Муромскихъ. Сафа-
Гирей бѣжалъ назадъ, и шакъ скоро, что
Воеводы Московскіе не догнали его^{88.} — Сей
не весьма удачный походъ умножилъ число
недовольныхъ въ Казани: шамошіе Князя
и знахѣйший изъ нихъ, Буланть, шайно пи-
сали въ Москву, чтобы Государь послалъ
къ нимъ войско; что они готовы убить
или выдать намъ Сафа-Гирея, который, оп-
нимая собственность у Вельможъ и народа,
шелепъ казну въ Тавриду. Бояре всѣми не-
медленно соединились полкамъ изъ семнад-
цати городовъ въ Владимиръ, подъ началь-
ствомъ Князя Ивана Васильевича Шуйскаго;
опівъспивовали Буланпу ясково, обѣщая
ему милость и забвение прошедшаго; но жда-
ли дальнѣйшихъ вѣней изъ Казани, чиобы
посланъ туда войско^{89.}

Еще Ханъ Сафь-Гирей скрывалъ свои за-
мыслы: Посоль Іоанновъ, Князь Александръ^{1541.}
Кашинъ, жилъ въ Тавридѣ, а Ханскій, име-
ніемъ Тагалдый, въ Москвѣ, но Бояре уга-
дывали, что Царь Казанскій дѣйствовалъ по
согласію съ Крымомъ, и для шого, на вся-
кий случай, собрали войско въ Коломнѣ, гдѣ
самъ юный Іоаннь осмотрѣть его спаиь.
Весною узнали въ Москве (чрезъ пѣпниковъ,

Г. ушедшихъ изъ Тавриды), что Ханъ двинулъ
1541. ся къ предѣламъ Россіи со всемъ Ордою, не
Наше. ствіе оставилъ дома никого, кроме женъ, дѣтей
Хана и старцевъ; что у него дружина Сулимано-
Крым- скаго, вѣдь огнестрѣльнымъ снарадомъ; что къ
нему присоединились еще шолы изъ Ногай-
скихъ Улусовъ, изъ Астрахани, Кафы, Азо-
ва; что Князь Симеонъ Бѣльскій взялся быть
его путеводителемъ⁹⁰. Намѣнику Пу-
тильскому, Федору Плещееву, велико было
удостовѣриться въ исполнѣніи сего извѣстія:
лоды, посланные имъ въ степи, видѣли
памъ слѣды прошедшаго войска, тысячи
ста или болѣе. Тогда Князь Димитрій Бѣль-
скій, въ санѣ главнаго Воеводы, прибылъ
въ Коломну и вышелъ рать въ поле. Князь
Иванъ Васильевичъ Шуйскій оснался въ Вла-
димирѣ съ Царемъ Шигъ-Алеемъ; многочи-
сленные дружины шли отовсюду къ Сер-
пухову, Калугѣ, Тульѣ, Рязани. Наши сѣмьные
лазутчики всپрѣшили Хана близъ Дона:
они смотрѣли на полки его и не видали имъ
конца въ степахъ открытихъ. Уже Саень-
Гирей былъ на сей сторонахъ Дона; приступ-
илъ къ Зарайску и не могъ взять крѣпо-
сти, отраженный славнымъ мужесивомъ ея
Воеводы, Назара Гальбова.

Іюля
28.

Между тѣмъ, какъ наши полки распола-
гались спаюсь близъ Оки, Москва умиля-
лась зрѣющею, дѣйствительно трогатель-
нымъ: десятилетій Государь съ братомъ
своимъ, Юріемъ, молился Всевышнему въ

Успенскомъ храмъ, предъ Владимирскю иконою Богомашери и гробомъ Св. Непира Митрополита о спасеніи отечества; плакать и въ слухъ народа говорить¹: «Боже! Ты «защити градъ моего прадѣда въ нашесніе моего Темиръ-Аксака: защиши насъ, юныхъ, «сырыхъ! Не имѣмъ ни отца, ни матери, «ни силы въ разумѣ, ни крѣости въ де- «снѣ; а Государство требуетъ отъ насъ «спасенія!» Онь повелъ Митрополита въ Думу, гдѣ сидѣли Бояре, и сказалъ имъ: «Врагъ идетъ: рѣшишь, здесь ли мы бывать, «или удалиться?» Бояре разсуждали шико и спокойно. Одни говорили, что Великіе Князья въ случаѣ непрѣпѣльскихъ нашесній никогда не заключались въ Москву. Другие шакъ отвѣтствовали: «Когда Енгей шелъ къ «столицѣ², Василій Димитріевичъ удалилъ «ся, чтобы собирать войско въ областяхъ «Россійскихъ, по въ Москву оставилъ Князя «Владиміра Андреевича и своихъ браиѣвъ. «Нынѣ Государь у насъ отрокъ, а браиѣ «его еще малолѣтніе: дѣтамъ ли скакать «изъ мѣста въ мѣсто и соединять полки? «Не скорѣе ли впадутъ они въ руки невѣр- «ныхъ, которые безъ сомнѣнія разсьюются «и по пытъ областямъ, ежели доспигнутъ «Москвы?» Митрополитъ соглашался съ по- столькими и говорилъ: «Гдѣ искать безо- «сности Великому Князю? Новгородъ и Псковъ «смежны съ Литвою и съ Нѣмцами; Костро- «ма, Ярославль, Галичъ, подвержены набѣ-

Г. «гамъ Казацевъ; и на кого оспавинъ М-
154. «скву, где лежашъ Святые Угодники? Ди-
«минирій Іоанновичъ оставилъ ее безъ Вое-
«воды сильнаго: что же случилось? Господь
«да сохранишъ насть отъ никакого бѣдствія!
«Нынъ пужды собирань войско: одно спо-
«нить на берегахъ Оки, другое въ Владимі-
«рь съ Царемъ Шигъ-Алесемъ, и защищашъ
«Москву. Имъ имъ силу, имъ имъ Бога и Свя-
«тыхъ, коимъ отецъ Іоанновъ поручилъ воз-
«любленнаго сына: не унывайте!» Всѣ Боя-
ре единодушно сказали: «Государь! оспавися
«въ Москву!» и Великій Князь изусшио даль-
Вели- повеліе Градекимъ Прикащикамъ гопо-
коуду- витъся къ осадѣ. Ревноснъ, усердіе оживили
ше воиновъ и пароль. Всѣ клялись умереть за
наро- дъ и въ вой- скъ. Иоана, стоять твердо за святыя церкви и
домы свои. Людей расписали на дружины
для защиты стѣнъ, воротъ и башенъ; вез-
дь разставили пушки; укрыли посады на-
долбами⁹³. Никто не мыслилъ о бѣгствіи, и
Литоинцы удивлялисѧ сему общему вдо-
хновенію мужества, какъ бы дѣйствію сверхъ-
естественному.

То же было и въ войскѣ. Полководцы
обыкновенно синиались тогда въ спары-
шистѣ или въ знаниосни родовъ между
собою и не хотѣли зависѣти отъ младшихъ,
ни отъ равныхъ, вопреки Государеву назна-
чению. Василий и отецъ его умыли обузды-
вать ихъ мѣстничество; по юности Іоан-
нова, вселяя безстрашіе и дерзость въ глав-

ныхъ чиновниковъ, доведа сіе зло до край-
ности. Прѣня и вражда господствовали въ 1581.
синахъ⁹⁴. Великій Князь послалъ Дѣлака свое-
го, Ивана Курильна, съ письмомъ къ Дими-
трию Бѣльскому и къ его знаменитымъ спо-
дивожникамъ; убѣждалъ ихъ осиавицъ всѣ
личности, всѣ несогласія и свары, — соеми-
нитъся духомъ и сердцемъ за отечество,
за Вѣру и Государя юнаго, который уво-
ваенъ единственію на Бога и на ихъ ору-
жіе. «Ока да будеиъ неодолимою преградою
«для Хана!» писалъ Іоаннъ: «а если не удер-
жинъ врага, то заградише ему путь къ
«Москвѣ своею грудью⁹⁵. Сразишиесь крышко
«во имя Бога всемогущаго! Обѣщаю любовь
«и милость не только вами, но и дѣтямъ
«вашимъ. Кто паденъ въ битвѣ, того имя
«всено вишаси въ Книги Животия⁹⁶; того
«жена и дѣти будуть моими ближними.»
Воеводы слушали грамоту съ умиленіемъ.
«Такъ!» говорили они: «забудемъ вражду и
с самихъ себя; вспомнимъ милость Великаго
«Князя Василія; послужимъ Іоанну, коею
«слабая рука еще не владѣеть оружіемъ;
«послужимъ малому, да отъ величаго честь
«пріимемъ! Если исполнится наше ревност-
ное желаніе; если побѣдимъ, то не въ од-
ной Русской, но и въ чужыхъ, оцащен-
ныхъ земляхъ прославимся. Мы не беззemer-
тины; умремъ же за отечество! Богъ и Го-
сударь не забудутъ насъ.» Сіи, доночь
сварливые, упрямые Воеводы плакали, обни-

Г. мали другъ друга въ воспоргъ великодушія;
1541. назывались брашьями; клялися вмѣстѣ побѣдить или оставили кости свои на берегу Оки. Они вышли изъ шатра, читали войску письмо Іоаново, говорили рѣчи сильные глубокимъ, добродѣтельнымъ чувствомъ. Дѣйствіе было неописанное. Воины кричали: «Хотимъ, хотимъ пить смертную чашу съ «Татарами за Государя юнаго! Когда вы, «офицы наши, согласны между собою, идемъ «съ радоснію на враговъ невѣрныхъ!» И весь полкъ двинулся впередъ, многочисленные, спройные и бодрые.

Уже Хань пришелъ къ Окѣ и спалъ на высотахъ. Другой берегъ ея былъ занятъ Московскою передовою дружиною, подъ начальствомъ Князей Ивана Турунпая-Пронскаго и Василія Охлябина-Ярославскаго. Ташары — думалъ, что у насъ идти болѣе войска — спуссили плоты на рѣку и ходили переправляться; а Турки стрѣляли изъ пушекъ, изъ пищалей, чтобы отбить Россію, которые, дѣйствуя одиѣми стрѣлами, сперва было дрогнула и замышалась... Но пристыди Князя Пунковъ-Микулинскій и Серебряный-Оболенскій съ полками: Россію спали твердо. Скоро явились новыя, густыя плоты ихъ и ряды необозримые: Князь Михайло Кубенскій, Иванъ Михайловичъ Шуйскій и самъ Димитрій Бѣльскій водрузили на берегу свои знамена. Съ правой и лѣвой стороны еще шло войско; вдали показалась

многочисленная Запасная Стража. Ханъ видѣлъ, изумлялся, и съ гневомъ сказалъ из-^{1541.} мѣнику нашему, Симеону Бѣльскому, и Вельможамъ: «Вы обманули меня, увѣривъ, что «Россія не въ силахъ бороться въ одно время «съ Казанью и со мною. Какое войско! Ни «я, ни опытные спарцы мои не видывали «подобнаго.» Объятный ужасомъ, онъ хотѣлъ бѣжать: Мурзы удержали его. Съ обѣихъ сторонъ лепили ядра, пули и спрѣлы; ввечеру Татары отступили къ высотамъ, а Россіяне, одушевленные мужествомъ, кричали имъ: «идите сюда; мы васъ «ожидаемъ!»

Наступила ночь: Воеводы Іоаниновы, по словамъ Лѣпшицеевъ, пировали духомъ, готовясь къ рѣшительной битве съ дующающимъ днѣ. Не было ни спраха, ни сомнѣй; не хотѣли отдохнуть; скучъ оружія и шумъ людей не умолкали въ спаніѣ; приходили новыя дружинныя одна за другою съ пыжелымъ огнестрѣльнымъ снарядомъ. Ханъ непрестанно слышалъ издали радостные клики въ нашемъ войску; видѣлъ при свѣтѣ огней, какъ мы спавши пушки на холмахъ берега — и не дождался утра: перзаемый страхомъ, злобою, спѣдомъ, ускакалъ въ тѣльцы; спивши за нимъ побѣжало и войско, испрѣбивъ часть ^{непрі-} обоза, другую же и нѣсколько пушекъ Сул-ла-шановыхъ оставилъ намъ въ добычу. Тогда въ первый разъ мы увидѣли въ рукахъ своихъ Опітоманскіе Трофеи! — Съ сею сча-

Г. силою въстію Димитрій Бѣльскій по-
1541. слалъ въ Москву Князя Ивана Кашина, а
Князей Микулінскаго и Серебрянаго въ слѣдъ
за Ханомъ. Они пѣшии отсталыхъ, кото-
рые изъсали ихъ, что Саинъ - Гирей
идетъ къ Пронску. Хвалившись спать на
Воробьевыхъ горахъ и разорить весь обласки
Московскія, онъ думалъ уменшить спыдъ
свой взявшемъ сей маловажной крѣпости,
подобно Тамерлану, не завоевавшему въ Рос-
сіи ничего, кроме Ельца. Тогда главный нашъ
Боевода отрядилъ впередъ новые полки,
чтобы скорѣе выгнать Хана изъ предѣловъ
Россіи.

5 Августа Саинъ-Гирей обступилъ Пронскъ,
гдѣ начальствовалъ Василий Жукебинъ⁹⁷, у ко-
его было не много людей, но много смѣлости:
онъ пушками, кольями и каменьями отбили
непріяцеля. Мурзы хошли говорить съ нимъ:
Жукебинъ явился на схѣбъ. «Сдайся», сказ-
али они: «Царь обѣщаетъ тебѣ милость,
если будешь стоять здесь, пока возмешь го-
родъ.» Витязь отвѣтилъ: «Божію
волею снавишся градъ, и иш无可 не возмешь
сего безъ воли Божіей. Пусть Царь сионитъ:
«увидишь скоро Воеводъ Московскихъ.» Саинъ-
Гирей велиъ готовить турсы для новаго,
сильнѣшаго приступа; а Жукебинъ воору-
жилъ не только всѣхъ гражданъ, но и са-
мыхъ женъ. Груды камней и кольевъ лежа-
ли на спины; копыты кинѣли съ водою; гадъ
заряженными пушками горѣли фитили. То-

гда осажденные получили вѣсль, что Князь г.
Микулинскій и Серебряный уже близко⁹⁸: 1541.
клики веселія раздались въ городѣ. Хань
узналъ о шомъ: сжегъ турсы, и 6 Августа
удался онъ Пронска, гонимый паними
Воеводами до самого Дона; а Князь Воро-
тынскій разбилъ Царевича Имія, который
было османовился для грабежа въ Одоевскомъ
Уѣздѣ⁹⁹.

Вся Россія торжествовала сіе счастіе во
изгнаніе сильнаго врага изъ нѣдра ея; слав-
ила Государя и Полководцевъ. Юношь
Іоаннова, умилительная для сердца во дни
спраха, была особицою прелестію и тор-
жества народнаго, когда Державный опрокъ-
въ храмъ Всевышнаго благодарили Небо за
спасеніе Россіи; когда именемъ отечества
изъявлять признательность Воеводамъ, и
когда они, проупные его милостию, съ ра-
достными слезами опівъчали ему: «Государь!
мы побѣдили твоими Ангельскими моли-
твами и твоимъ счастіемъ! Народъ всего
болѣе вѣрилъ счастію, и младая лѣта
Іоанновы открывали неизмѣримое поле для
надежды. — Такъ чувствовали современники,
кошорые видѣли въ Саипъ-Гиреъ нового
Мамая или Тамерлана, и хвалились его бѣг-
ствомъ какъ славнымъ для Россіи происше-
ствиемъ. Они не думали о будущемъ. Что
случилось, могло и впредь случиться. Рос-
сія, уже дѣйствительно сильная, оставалась
еще жертвою спазматичнаго нападенія: мы хо-

Г. пѣли, чтобы непріятель давалъ намъ время
изготовиться къ оборонѣ; выгоняли его, но
сема наши пустѣли, и Государство лиша-
лось главной своей драгоцѣнности: ледей!
Только опыты вѣковъ приводятъ испы-
нилъ мѣры государственной безопасности въ
шверную систему. -

Князь Иванъ Бѣльскій, будучи душою Пра-
вительства, спояль на вышней степени
счастія, опираясь на личную милость Дер-
жавнаго опрока, уже зрыющаго душою, — на
ближнее съ нимъ родство, на успѣхи ору-
жія, на дѣла человѣкомообщія и справедли-
вости. Совѣсъ его была спокойна, народъ
доволенъ . . . и впайи кипѣла злоба, ковар-
ствовала зависть, неусыпная въ свѣтѣ, осо-
бенно дѣланельная при Дворѣ. Здѣсь Испо-
рія наша представляеть опасность велико-
душія, какъ бы въ оправданіе жестокихъ,
мстительныхъ властолюбцевъ, дающихъ
миръ врагамъ только въ могилѣ. Князь Иванъ
Бѣльскій, освобожденный Митрополитомъ и
Боярами, могъ бы помѣняться племищею съ
Шуйскимъ; могъ бы отнять у него и сво-
бу и жизнь: но презрѣлъ безсильную зло-
бу, и сдѣлалъ еще болѣе: оказалъ уваженіе
къ его рапиднѣй способностямъ и далъ ему
Воеводство: что назвали бы мы ошибкою
великодушія, если бы оно имѣло цѣлѣю не
внутреннѣе удовольствіе сердца, не добро-
тѣтель, а выгоды спрастей. Шуйскій, съ
гѣвомъ уступивъ власть своему неостро-

рожному прошнику, думать единственно Г.
о мести, и знаменитые Бояре, Князья Мн-^{1541.}
хайло, Иванъ Кубенскіе, Димитрій Палецкій,
Казначей Трепъяковъ, вошли съ нимъ въ за-
говоръ, чтобы погубить Бельского и Ми-
трополита, связанныхъ дружбою и, какъ вѣ-
роятно, усердною любовию къ отечеству.
Не было, кажется, и предлога благовиднаго:
заговорщики хотѣли просить, извергнувъ
влашевина, занять его мѣсто, и доказать
не правость, а силу свою. Они преклонили
къ себѣ многихъ Дворянъ, Дѣней Боярскихъ,
не только въ Москвѣ, но и въ разныхъ
областяхъ, особенно въ Новгородѣ^{100.} Шуй-
скій, находясь съ полками въ Владимирѣ,
чтобы идти на Казань, обѣщаниями и лас-
ками умножилъ число своихъ единомышлен-
никовъ въ войскѣ; взять съ нихъ тайную
присягу, дать знать Московскому клевре-
памъ, что время приспушить къ дѣлу, и
послать къ нимъ изъ Владимира съ сыномъ, Г.
Княземъ Петромъ, присна надежныхъ всад-^{1542.}
никовъ^{101.} Ночью, 3 Генваря, сдалась уж-^{Смуга}
сная превога въ Кремль: заговорщики схва-^{Бояръ}
тили Князя Ивана Бельского въ его домѣ и
посадили въ темницу; также вырыхъ сму-^{Наде-^{Ивана}}
 друзей, Князя Петра Щеняшева и знанного скаго
сановника Хабарова: первого извлекли зад-
ними дверьми изъ самой комнаты Государе-
вой, окружили Митрополитовы келіи, бро-
сали каменьями въ окна, и едва не умер-
тили Йоасафа, копорый бѣжалъ опь нихъ

Г. на Троицкое подворье: Игуменъ Лавры и
1542. Князь Димитрій Палецкій только именемъ
Св. Сергія могли удержать иенсповыхъ Дѣ-
тей Боярскихъ¹⁰², поднявшихъ руку на Архи-
настыря. Митрополитъ искалъ безопасноснн
во дворцъ, въ присутствіи юнаго Іоана;
но Государь, пробужденный свирѣпымъ вол-
лемъ мятежниковъ, самъ препечатъ какъ
несчастная жернова. Бояре съ шумомъ вошли
Сынъ за Іоасафомъ въ компанию Великаго Князя;
изъ Митрополита взали, отправили Митрополита въ ссылку,
въ монастырь Кирилловъ на Бѣлоозеръ; ве-
ли при дворнымъ Священникамъ, за три
часа до свѣта, ить заупрею; кричали,
господствовали, какъ бы завоевавъ Пре-
столь и Церковь; не думали о соблюденіи
и малѣйшей престойности; дѣствовали
въ видѣ бунтовщиковъ; успрашили споли-
цу. Никто въ сю ужасную ночь не смы-
камъ глазъ въ Москву. На развѣтии приска-
восто-
камъ Шуйскій изъ Владимира и сдѣлался впо-
сподѣ-
справо ричко Главого Бояръ. Князя Ивана Бѣльскаго
К. И-
Ивана послали въ заточеніе на Бѣлоозеро, Щеня-
Шуй-
шева въ Ярославль, Хабарова въ Тверь. Ти-
скаго. шина и спокойствіе восстановились. Но
Шуйскій еще не былъ доволенъ: опасаясь
перемѣны, добродѣтели Князя Ивана Бѣль-
скаго и общей къ нему любви, онъ всѣльѣ
убить его, по согласію съ Боярами, безъ
вѣдома Государева. Три злодѣя умерпивши
сего несчастнаго Князя въ тюмницѣ: Вель-
можу благодушнаго, воина мужественнаго,

Христіанца просвѣщенаго, какъ пишутъ Г. современники¹⁰³. Нѣкогда подозрѣваемый въ шайномъ лихомѣствѣ, за излишнее миролюбіе, оказанное имъ въ двухъ войнахъ Казанскихъ¹⁰⁴, огъ славою послѣднихъ лѣтъ своей жизни оправдался въ народномъ мнѣнїи.

Россія уже знала Шуйскаго и не могла ожидать отъ него правлѣнія ни мудрости, ни честного усердія къ государственному благу; могла единственно надѣяться, что власіть сего человека, снисканная явнымъ беззаконіемъ, не продолжится. Дума оспа-лась, какъ была: только нѣкоторые Члены ея, смотря по ихъ отношеніямъ къ главному Вельможу, упратили силу свою или пріобрѣли новую. Князь Димитрій Бѣльскій онемакивалъ браина и сидѣлъ на первомъ мѣстѣ въ Совѣтѣ, какъ старшій именемъ Бояринъ. Надлежало избрать Митрополита: малолѣтство Іоанново давало Архиепастырю Церкви еще болѣе важности; онъ имѣлъ свободный доступъ къ юному Государю, могъ совѣтоваться ему, смѣло проповѣдывать Боярамъ и дѣйствовать на умы гражданъ Христіанскими увѣщаіями. Шуйскій и друзья его не хотѣли впорицно ошибиться въ семъ выборѣ, медлили около двухъ мѣсяцевъ, и призвали Архиепископа Макарія, славнаго умомъ, дѣятельности, благочестіемъ: любя и мірскую честь, онъ, можетъ быть, ока-залъ имъ услуги въ Новгородѣ и склонилъ жишелей онаго на ихъ споропу¹⁰⁵, въ на-

Г. деждѣ заступить мѣсто Іоасафа. Чрезъ семь
1542. дней нарекли Макарія Первосвѧтилелемъ и
По- свѧщено на Дворъ Митрополичій, а чрезъ
свѧще возвели на Дворъ Митрополичій, а чрезъ
ніе десять дней посвѧтили¹⁰⁶. Такимъ образомъ
Ми- карія. Князь Иванъ Шуйскій самовластию свергнулъ
двоихъ Митрополитовъ единственno по лич-
ной къ нимъ ненависти, безъ всякаго суда
и законнаго предлога. Духовенство молчало и
повиновалось.—Всъ прежнія насилия, неспра-
ведливости возобновились. Льготы и права,
данныя обласпнымъ жителямъ въ благослов-
енное господствованіе Князя Бѣльскаго,
уничтожились происками Намѣстниковъ¹⁰⁷.
Россія сдѣлалась опять добычею клевретовъ,
ближнихъ и слугъ Шуйскаго. Но Іоанъ возв-
раснѣлъ!

Важнѣйшимъ дѣломъ вицѣніи Политики
Пере- сего времени было новое перемиріе съ Лип-
миріе вою на семь лѣтъ, заключенное въ Москве
съ Ли- съ Лип- твою. Королевскими Панами, Яномъ Гельбовичемъ
и Никодимомъ¹⁰⁸. Хотѣли и вѣчнаго мира съ
общихъ споровъ, но не согласились, какъ и
прежде, въ условіяхъ. Бояре домогались раз-
мѣта пленныхъ: Король требовалъ за ипо
Чернигова и шести другихъ городовъ, боясь,
кажется, чтобы Литовскіе пленники не
возвратились къ нему съ измѣною въ сердцѣ,
и чтобы Россійскіе не открыли намъ во-
выхъ способовъ побѣды. Наконецъ положили
единственno не восвать другъ друга и куп-
цамъ торговатъ свободно. Сигизмундъ уже
слабѣлъ: Паны договаривались ими съ его

сына и наследника, Августа. Въ присутствіи юнаго Іоанна чинили грамоты: Великій Князь цѣловаль крестъ и далъ руку Посламъ¹⁰⁹; а Бояринъ Морозовъѣздилъ въ Литву для размѣна грамотъ. Ему велико было представительствовать за нашихъ подданныковъ, чтобы ихъ не держали въ узахъ и дозволяли имъ ходить въ церковь: послѣднее упѣщеніе для злосчастныхъ, осужденныхъ умереть въ сираѣ непріятельской! — Между тѣмъ спориши о земляхъ Себежскихъ и другихъ; хотѣши и не могли размежеваться. Чиновникъ Сукинъ, посланный для штого въ Литву, долженъ быть вътайной бесѣдѣ съ ея Всѣможами сказать имъ, что Іоаннъ уже ищетъ себѣ невѣсты, и что Бояре Московскіе желають знать ихъ мысли о пользѣ родственаго союза между Государями обѣихъ Державъ. Въ донесеніи Сукина неходимъ отвѣтъ на сіе предложеніе¹¹⁰.

Испытавъ неудачу, Ханъ Саипъ - Гирей согласился быть въ дружбѣ съ нами, опиу-
спиль Іоаннова Посла, Князя Александра Крым-
Канина, въ Москву, и дать ему новую шер-
тиную грамоту: посыпъ Ханскій, Иниль, свъ.
и хищные Мурзы превожили набѣгами Сѣ-
верскую область и Рязань. Воеводы Москов-
скіе всپрѣшили ихъ; побили Крымцевъ на
славномъ полѣ Куликовъ и гнали до рѣки Дѣла
Мечи. — Казанцы требовали мира; но Князь Ка-
Булакъ уже не хотѣлъ свергнуть Сафа-Ги-
реля, и писалъ о шомъ къ Боярину, Димит-

Г. рію Бельскому, а Царевна Горшадиа къ самому Іоану. Сія Царевна славилась ученостью и волхвованіемъ. Літописцы увърають, чѣо она торжественно предсказывала скорую гибель Казани и величие Россіи. Дума Боярская не отвергала мира; но Сафа-Гирей Сно- медить и не заключать онаго¹¹¹. — Дружескіи співениы сношенія продолжались съ Аспра- стра- ханью и съ Молдавіею. Царевичь Аспрахан- ханъ¹¹², скій, Ещгеръ, прѣхалъ служиши въ Россію¹¹³. Воевода Молдавскій, Иванъ Петровичъ, внукъ Стефановъ, писалъ къ Великому Князю, чѣо Солиманъ, изгнавъ его, умилостивился и возвратилъ ему Молдавію, но требуетъ, сверхъ ежегодной дани, около ирехъ-сотъ-нысяцъ золотыхъ, коихъ не лъзя собрать въ земль опустошенній¹¹⁴. Господарь молитъ Іоанна о денежномъ вспоможеніи, которое и было послано.

Но смуты и козни придворныхъ занимали Думу больше, нежели виупренія и витъшнія дѣла государственныхъ. Не долго Князь Иванъ Васильевичъ Шуйский пользовался власнію: Пере- болѣзнь, какъ надобно думать, заставила его мѣна отказаться отъ Двора. Онь жить еще года въ Прав-два или три¹¹⁴, не участвуя въ правлени- яхъ. Но сдавъ оное своимъ ближнимъ родствен- никамъ, премъ Шуйскимъ: Князьямъ Ивану и Андрею Михайловичамъ и Федору Паво- вичу Скопину, которые, не имъя ни вели- кодушія, ни ума выспреннаго, любили толь- ко господствовать и не думали заслуживать.

любви согражданъ, ии призвательности юна- Г.
го Вынценосца испиниимъ усердіемъ къ оне- 1542.
честву. Искусство сихъ Олигарховъ состоя-
ло въ томъ, чтобы ии терпнть пропаго-
рьчія въ Думѣ и допускать до Государя
единствено преданныхъ имъ людей, уда-
ляя всѣхъ, кио могъ быти для нихъ опас-
енъ или смѣлостию, или разумомъ, или ба-
городными качествами сердца. Но Іоашъ,
приходя въ смыслъ, уже чувствовалъ пы-
тость беззаконной опеки, испавидѣль Шуй-
скихъ, особенно Князя Андрея, наглаго, сви-
рѣаго, и склонялся душою къ ихъ явнымъ
или пайнымъ недоброхотамъ, въ числѣ ко-
ихъ былъ Совѣтникъ Думы, Федоръ Семе-
новичъ Воронцовъ¹¹³. Олигархи желали при-
стойныимъ образомъ удалити его, и не мо-
гли; злобствовали, и видя возрастающую Г.
къ нему любовь Іоашау, рѣшились приѣ- 1543.
тиутъ къ насилию: во дворцѣ, въ торже-
ственномъ засѣданіи Думы, въ присутствіи
Государя и Минирополина, Шуйскіе съ сво-
ими единомышленниками, Князьями Кубен-На-
скими, Палецкими, Шкурланевыми, Ирон-
скими и Алексѣемъ Басмановымъ, послѣ шум-
наго прынія о мнимыхъ винахъ сего любимца
Іоашова, вскочили какъ неисповѣдные, извлекли
Воронцова силою въ другую комнату, мучи-
ли, хотѣли умертвить. Юный Государь
въ ужасъ молилъ Минирополина спаси не-
счастнаго: Первосвятитель и Бояре Моро-
зовы говорили именемъ Великаго Князя, и

Г. Шуйскіе, какъ бы изъ милости къ нему, даши слово оставить Воронцова живаго, но били, толкали его, вывели на площадь и заключили въ темницу. Иоанъ впирично отправилъ къ нимъ Митрополита и Бояръ съ убѣжденіемъ, чтобы они послали Воронцова на службу въ Коломну, если нельзя ску быить при Дворѣ и въ Москвѣ. Шуйскіе не согласились: Государь долженъ быть утвержденъ ихъ приговоръ, и Воронцова съ сыномъ отвезли въ Кострому¹¹⁶. Изображая тогдашнюю наглость Вельможъ, Лыщоницесь сказываваешь, что одинъ изъ ихъ кистевниковъ, Охома Головинъ, въ спорѣ съ Митрополитомъ, наступивъ на его манипу, изорвалъ онуу въ знакъ презрѣнія.

Сіи крайности беззаконнаго, грубаго самовластія и необузданыхъ спрасостей въ Правителіяхъ Государства ускорили перемычу, желаемую народомъ и непріятелями Шуйскихъ. Иоану исполнилось тридцать лѣтъ. Рожденный съ пылкою душою, рѣдкимъ умомъ, особеною силою воли, онъ имѣть бы всѣ главныя качества Монарха, если бы воспитаніе образовало или усовершенствовало въ немъ дары Природы; но рано лишенный онца, манери, и преданный въ волю буйныхъ Вельможъ, осыпленныхъ безразсуднымъ, личнымъ властолюбиемъ, быль на престолѣ несчастнѣйшимъ сиротою Державы Россійской: ибо не только для себя, но

Худое
воспи-
таніе
Иоана.

и для миллиоповъ готовить несчастіе своимъ пороками, легко возникающими при са-^{1545.} мыхъ лучшихъ естественныхъ свойствахъ, когда еще умъ, исправитель страшней, пытъ въ юной душѣ, и если, вмѣшио его, мудрый пѣспунъ не изъясниетъ ей законовъ нравственности. Однъ Князь Иванъ Бельскій могъ быть наставникомъ и примѣромъ добродѣтели для отрока Державнаго; но Шуйскіе, отнявъ достойнаго Вельможу у Государя и Государства, спарадились привязать къ себѣ Іоанна исполненіемъ всѣхъ его юныхъ желаній: непрестанно забавляли, гоняли во дворцъ шумными играми, въ полъ звѣриною ловлею; питали въ немъ наклонность къ сластолюбію и даже къ жестокости, не предвида сълѣдствій. На примѣръ, любя охоту, онъ любилъ не только убивать дикихъ животныхъ, но и мучить домашнихъ, бросалъ ихъ съ высокаго крыльца на землю; а Бояре говорили: «пусть Державный веселится!» Окруживъ Іоанна шолью молодыхъ людей, смеялись, когда онъ безчинно рѣзвился съ ними или скакалъ по улицамъ, давилъ женъ и снарцевъ, веселился ихъ крикомъ. Тогда Бояре хвалили въ немъ смѣлость, мужество, проворство¹¹⁷! Они не думали шоковать ему святыхъ обязанностей Вѣнчансца, ибо не исполняли своихъ; не зекались о просвѣщении юнаго ума, ибо счищали его невѣжесиво благопріятнымъ для ихъ властолюбія; ожесточали серд-

Г. це, презирали слезы Іоанна о Князѣ Телешевъ, Бѣльскомъ, Воронцовъ, въ надеждѣ загладить свою дерзоспѣ угожденіемъ его вредныхъ прихоптамъ, въ надеждѣ на вѣтропаспѣ отрока, развлекаемаго ежеминушиными упѣхами. Сія безумная система обрушилась надъ главою ся виновниковъ. Шуйскіе хопѣли, чтобы Великій Князь помнилъ ихъ угожденія и забывалъ досады: онъ помнилъ только досады и забывалъ угожденія, ибо уже зналъ, что власть принадлежитъ ему, а не имъ. Каждый день, приближая его къ совершенному возрасту, умножалъ козни въ Кремлевскомъ дворцѣ, затрудненія господствующихъ Бояръ и число ихъ враговъ, между коими сильнейшіе были Глинскіе, Государевы дяди, Князья Юрій и Михайло Васильевичи, мстительные, честолюбивые¹¹⁸: первый засѣдалъ въ Думѣ; второй имѣть значный санъ Коношаго. Они, не смотря на бдительность Шуйскихъ, вищали тринацати-лѣтнему племяннику, оскорбленному ссылкою Воронцова, что ему время объявить себя дѣйствительнымъ Самодержцемъ и свергнуть хищниковъ власти, которые, угнетая народъ, пираяши Бояръ и ругаючися надъ самимъ Государемъ, угрожая смерти всякому, кого онъ любитъ; что ему надобно только вооружиться мужествомъ и повелѣть; что Россія ожидаетъ его слова. Вѣроятно, что и благоразумный Митрополитъ, недовольный дерзкимъ наспѣ-

Заговоръ противъ главъ Вельможъ.

емъ Шуйскихъ, оспавилъ ихъ сторону и г.
то же совѣтовалъ Іоанну. Умѣш скрыть¹¹⁵.
важный замыселъ: Дворъ казался соверши-
но спокойнымъ. Государь, съдуя обыкнове-
нію, тѣдилъ сеѧю молитвъ и въ Лавру Сер-
гіеву и на охоту въ Волокъ Ламскій съ зна-
ицкими саповниками, весело праздновалъ
Рождество въ Москвѣ, и вдругъ, созвавъ Боярь,
въ первый разъ явился повелительнымъ,
грознымъ; объявиль съ твердостію, что
они, употребля во зло юности его, беззакон-
ствуюпъ, самовольно убивають людей, гра-
бятъ землю; что многіе изъ нихъ виновны,
но чѣмъ они казнить только виновнѣшаго:
Князя Андрея Шуйскаго, главнаго совѣти-
ка штрансива. Его взяли и предали въ жер-
тву псарямъ, которые на улицѣ исперзали,
умерлиши сего знатнѣшаго Вельможу¹¹⁶.
Шуйскіе и друзья ихъ безмолвствовали: па-
родъ изъявилъ удовольствіе. Огласили зл-
дяяя убившаго. Пишущъ, чѣмъ онъ, нена-
сытимый въ корыстолюбіи, подъ видомъ
купли опцималъ Дворянскія земли, угнешая
крестьянъ; чѣмъ даже и слуги его господство-
вали и штрансивали въ Россіи, не боясь ни
судей, ни законовъ¹¹⁷. Но сія варварская казнь,
хопія и заслуженная недостойнымъ Вельмо-
жею, была ли достойна испиншаго Прави-
тельства и Государя? Она явила, чѣмъ бѣд-
ствіе Шуйскихъ не умудрило ихъ преемни-
ковъ; чѣмъ не законъ и не справедливость,
а только одна сторона наль другою одер-

Г. жала верхъ, и насилие уступило насилию:
1545. ибо юный Іоанъ безъ сомнія еще не могъ
Влас. Глинствовать самъ собою: Князя Глинскіе
скількъ друзьями иовельвали его именемъ, хотя
и сказано въ иѣконахъ лѣтописяхъ, что
«съ того времени Бояре начали имѣть спрахъ
отъ Государя»¹²¹.

Опалы и жестокость новаго Правленія
дѣйствительно устричили сердца. Сослали
Же- Федора Шуйскаго-Скопина, Княза Юрія Тем-
сто- кина, Фому Головина и многихъ иныхъ чи-
вла- новниковъ въ отдаленные мѣста: а знали
г. Ивана Кубенскаго, сына двою-
родной тетки Государевой, Княжны Углиц-
кой, посадили въ пемницу¹²²: онъ находил-
ся въ тѣсной связи съ Шуйскими, но отличался
правомъ¹²³. Его заключили въ Переславль вмѣ-
стъ съ женою, памъ, где сидѣлъ ибко-
гда злосчастный Князь Андрей Углицкій съ
дѣтьми своими¹²⁴. Казнь, избрѣщенная вар-
варствомъ, была участію саповника при-
дворного, Афанасія Бутурлина, обвиненнаго
въ дерзкихъ словахъ: ему отрезали языкъ
предъ пемницю въ глазахъ народа¹²⁵. Чрезъ
пять мѣсяцевъ освободивъ Кубенскаго, Го-
сударь снова возложилъ на него опалу, так-
же на Князя Пенра Шуйскаго¹²⁶, Горбата-
го, Димитрія Палецкаго и на своего любим-
ца, Боярина Федора Воронцова; простилъ
ихъ изъ уваженія къ ходатайству Миниро-
полиша, но не надолго. Разнесся слухъ, что

Хань Крымский гоповишия иши къ нашимъ г.
предѣламъ: сынъ его, Ишинъ, за пѣсколько ¹⁵⁴⁴ _{— 46.}
месяцевъ предъ тѣмъ¹²⁷ свободно грабилъ
въ Уѣздахъ Одоевскомъ и Бѣлевскомъ (гдѣ
иши Воеводы только спорили о спары-
нинствѣ, не двигаясь съ мѣсца для опра-
женія непріятеля). Самъ Іоанинъ, уже вспу-
нивъ въ лѣта юноши, предводительство-
валъ многочисленную ратию, бѣдилъ водою
на богоомолье въ Угрѣцкій монастырь Св.
Николая, прибыть къ войску и жить въ
Коломнѣ около трехъ мѣсяцевъ¹²⁸. Хань не
явился. Воинскій спаиъ сдался Дворомъ,
и злыя честолюбцы занимались кознями. Од-
нажды Государь, по своему обыкновенію вы-
бхавъ на зѣбриную ловлю, былъ осипован-
Іещь пятидесяти Новогородскими пицаль-
никами, которые хонѣли прінесли ему ка-
кія-то жалобы: Іоанинъ не слушалъ, и ве-
льзъ своимъ Дворянамъ разогнали ихъ. Ново-
городцы противились: началась битва; спрѣ-
ли изъ ружей, сѣкли мечами, умеривши-
и съ обѣихъ сторонъ человѣкъ десѧть. Го-
сударь возвратился въ спаиъ¹²⁹, и велѣлъ
ближнему Дьяку, Василию Захарову, ушапъ,
кто подучилъ Новогородцевъ къ дерзости и
мѧшежу? Захаровъ, моженъ бышъ по согла-
сію съ Ганскими, донесъ ему, что Бояре,
Киль Иванъ Кубенскій и Вороццовы, Фе-
доръ и Василий, суть шайные виновники мя-
шежа. Сего было довольно: безъ всякаго
далѣйшаго изслѣдованія, гибній Іоанинъ

Г. велѣль отрубить имъ головы, объявивъ.
1544 — 46. что они заслужили казнь и прежними своими
беззаконіями во время Боярского правленія ¹⁵⁰!
Лѣпописцы свидѣтельствуютъ иль невин-
носѣшь, укоряя Федора Воронцова единственно
письмъ, что онъ желалъ исключительнаго пер-
венства между Боярами, и досадовать, когда
Государь безъ его вѣдома оказывалъ другимъ
милости. Способствовавъ нацѣю Шуйскихъ,
и бывъ врагомъ Кубенскаго, сей несчаст-
ный любимецъ положилъ голову на одной
съ нимъ плахѣ!.. Такъ новые Вельможи,
пѣспуны или совѣтники Іоанновы, пріучали
юношу-Монарха къ ужасному легкомысловъ
дѣлахъ правосудія, къ жестокоснѣ и пи-
раиству! Подобно Шуйскимъ, они готови-
ли себѣ гибель; подобно имъ, не удержива-
ли, но спремили Іоанна на пути къ развра-
шу, и пеклись не о томъ, чтобы сдѣлать
верховную власнѣ благотвориою, но чтобы
узвѣрдить ее въ рукахъ собственныхъ.

Въ опиціи къ инымъ Державамъ мы
дѣйствовали съ успѣхомъ и съ чеснію. Ко-
бровъ Польскій сдалъ правленіе сыну, Сигиз-
мунду-Августу, который, извѣстивъ о
Лит-
вою. шомъ Великаго Князя, увѣръя Россію въ
своемъ миролюбіи и въ твердомъ намѣреніи
исполнять заключенный съ иою договоръ ¹⁵¹.
— Обманы Цара и Вельмож Казанскихъ вы-
вели Іоанна изъ терпѣнія. Две рани, одна
изъ Москвы, другая изъ Вятки, въ одинъ
день и часть сошлися подъ стѣнами Казани,

обратили въ пепель окрестности и кабаки г.
Царскіе, убили множество людей близъ го-^{1546.}
рода и на берегахъ Святаги, взяли знатныхъ изъ
пленниковъ и благополучно возвратились^{152.} Ка-
зань.
Сіе внезапное нашествіе Россіи застапило
думать Царя, что Казанскіе Вельможи тай-
но подвеси ихъ: отъ хощеть мснинъ; умер-
тиль некоиорыхъ Князей, иныхъ выгнали^{155,}
и произвѣль всеобщее озлобленіе, коего
съдствіемъ было то, что Казанцы, тре-
бую войска отъ Иоана, желали выдать
ему Сафа-Гирея съ тридцатью Крымскими
сановниками. Государь обѣцалъ послать вой-
ско, но хопѣть, чтобы они прежде свер-
гнули и заключили Царя. Бунтъ дѣйстви-
тельно открылся: Сафа-Гирей бѣжалъ, и
многіе изъ Крымцевъ были истерзаны на-Шиг.
родомъ. Сеніи, Уланы, Князья, всѣ чинов-Алек
ники Казанскіе, давъ клятву бѣсть вѣрны-Ца-
ми Россіи, снова приняли къ себѣ Царя Шигъ-ремъ
Алека, торжественно возведеннаго на пре-ви, и
столъ Князьями Димитріемъ Бельскимъ и
Палецкимъ; веселились, праздновали, и спо-от-
ва пам'яти. Какъ бы въ предчувствіи не-тух.
жинуемаго, скораго конца Державы ихъ, они
сами не знали, чего хотѣли, волиуемые спра-
сами, и въ замыслѣ ума; взяли Царя не
для шого, чтобы повиноваться, но чтобы
его именемъ управлять землею; держали
какъ пленника, не дозволяли ему выѣзжать
изъ города, ни показываться народу; про-
вали во дворцъ и гремѣли оружіемъ; пиши

Г. изъ златыхъ сосудовъ Царскихъ и браш-
154. оные себѣ; вѣрныхъ слугъ Алеевыхъ заключи-
чили въ темницу, даже умершихъ нѣко-
торыхъ и требовали, чтобы Царь изъ пись-
махъ къ Іоанну хвалился ихъ усердіемъ! Епко-
писецъ сказываетъ, что Шигъ-Алѣй пред-
видѣлъ свою участіе, и только изъ повинов-
енія къ Великому Князю согласилсяѣхатъ
въ Казань¹⁵⁴. Онъ терпѣть мѣсяцъ въ без-
мощіи, имѣя довѣренность къ одному изъ
запанийшихъ Князей, именемъ Чурѣ, пре-
дашому Россіи. Сей добрый Вельможа не
могъ усовѣстить Владычей Казанскихъ,
пищепно грозивъ имъ нагубными съдствія-
ми безумнаго непослушства: раздраживъ
Шигъ-Алѣя и боясь месни Іоанновой, они
вздумали оиинъ призваний Сафа-Гирея, ко-
торый съ именами Ногайскими уже были
на Камѣ. Князь Чура изъспилъ Алѣя осемь
заговоръ, совѣтовалъ ему бѣжать, и при-
гоповилъ суда. Насилая какой-то праздникъ:
Вельможи и народъ пили до ночи, заснули
глубокимъ сномъ и не видали, какъ Царь
вышелъ изъ дворца, и благополучно уѣхалъ
Волгою въ Россію¹⁵⁵; а Сафа-Гирей, въ тре-
тий разъ сѣвъ на престолъ Казанскомъ, га-
часть царствованія ужасомъ: убить Князя
Чуру и многихъ знающихъ людей, окружилъ
себя Крымцами, Ногаями, и пекавиди сво-
ихъ подданныхъ, хонѣть только держать
ихъ въ страхѣ. Семдесѧть-шесть Князей и
Мурзъ, браныя Чурены, вѣрные Алѣю, и

и самые пеполовые злодви сго, обманувшие Г.
Сафа-Гиреемъ, искали убежища въ Москвѣ.¹⁵⁴ Въ съдѣ за ними явились и Послы Горной
Черемисы, съ увереніемъ, что ихъ народъ
весь готовъ присоединиться къ нашему вой-
ску, если оно вступитъ въ Казанске пред-
ѣвы. Тогда была зима: опложивъ полную
мессу до лѣса, по желаніи удостовѣриться
въ благоприятномъ для нась расположениіи
лѣкарей Черемисскихъ, Иоаннъ опредѣлъ иль-
сколько полковъ къ успѣю Свягі. Князь Але-
ксандъ Горбатый предводительствовалъ по-
ими, и сражался единственно съ зимними вы-
ходами, нигдѣ не находя сопротивленія. Ему не-
вѣлько было осажданіе Казани: онъ удоволь-
ствовался добычею, и привезъ себою въ^{къ успѣю}
Москву сто воиновъ Черемисскихъ, которые
служили намъ залогомъ въ вѣроиспѣ ихъ
народа¹⁵⁵.

Между тѣмъ Великій Князь вадилъ по раз-
нымъ областямъ своей Державы, по един-
ственно для того, чтобы видѣть славные
ихъ монастыри и забавляться звѣриною
ловлею въ дикихъ лѣсахъ: не для наблюд-
еній государственныхъ, не для защиты лю-
дей отъ приступенія корыстолюбивыхъ На-
мѣшниковъ. Такъ онъ бывъ съ брачными
Юріемъ Василіевичемъ и Владиміромъ Аи-
дреевичемъ въ Владиміре, Можайскѣ, Воло-
скѣ, Ржевѣ, Твери, Новгородѣ, Псковѣ, гдѣ,
окруженный сонмомъ Бояръ и чиновниковъ,
не видать печалей народа, и въ шумѣ забавъ<sup>Путешествія
Великаго
К. и
неудоб-
норо-
співіе
наро-
да.</sup>

Г. не съхать спицай бѣдности; скакать на бор-
1546. зыкъ ишакахъ, и оставлять за собою слезы,
жалобы, новую бѣдность: ибо сіи пушеч-
сивія Государевы, не принося ни малыши
пользы Государсиву, стоили деягъ наро-
ду: Дворъ требовать угощія и даровъ¹⁵⁷.—
Однимъ словомъ, Россія еще не видала олица
Монарха на престолѣ, упѣшаись только на-
деждою, что льна и зрылый умъ откро-
ютъ Іоанну святое искусство царствовать
для блага людей¹⁵⁸.
